

Ми 54 мейер — 2000 —
54 мейер — с 50 52

Иоселиани медленно меняется с годами. Что в черно-белой грузинской «Пасторали», что в цветном французском «Истина в вине» обязательно присутствует человек со скрипкой...

То есть этот мост становится очень слабым, жидким.

Поэтому и мускулатура мышления становится вялой. Когда на старости лет человек начинает о чем-то задумываться — то ему не хватает инструмента для анализа. То есть он не привык соотносить вещи с тем, что уже было накоплено опытом человечества. У него нет общения с этим опытом через тексты.

Поэтому деградация в нашем веке чисто духовная. Стала довлеть тяга к материальному благосостоянию. И это не может не привести к совершенно разрушительным результатам, что и считалось раньше царством сатаны. Было такое понятие. Оно сегодня исчезло. Но не зря же Воланд приехал в Москву и уехал очень довольный — ему здесь нечего было делать. Все уже было сделано.

Как можно было допустить торжество разрушительных сил? Как можно было допустить, чтобы пострадали Павлов, Менделеев, Мечников, Блок, Гумилев, Табидзе? А ведь наша жизнь могла быть полна какого-то другого содержания...

— Большинство ваших героев одиноки. Чувство одиночества, которое пронизывает все ваши картины, — оно принципиально?

— Они все одиноки, но их много. И я время от времени свожу их друг с другом, чтобы как-то облегчить их существование.

— Это не фатальное одиночество?
— Думаю, что нет. Просто не там ищем.

— Вы снимаете в основном непрофессиональных актеров. Это труднее или проще?

— Проще, конечно.
— Почему?
— Потому что каждый из нас обладает какой-то долей артистизма — скрытой или явной. И она очень видна, особенно если ставить посылы-

ные задачи и предлагать делать то, что они привыкли делать... Навык лицедейства неминуемо ведет к штампам. Неминуемо. Актеры привыкают изображать чувства определенным образом, у них есть целая гамма приемов. Один раз что-то получившееся они копируют дальше.

У непрофессиональных актеров этих штампов нет. Они не привыкли играть, и я им просто показываю, что им нужно делать, — будучи очень осторожным, чтобы не потребовать от них невозможного. Например, они не способны произносить длинные тексты, плакать... не знаю, что еще... Зато все, как правило, умеют вступать в словесные препирания. Это вполне обычная вещь, но они это делают с удовольствием...

— Вы сказали, что фильм не стоило бы переводить...

— Я думаю, что не стоило. Но так как зритель сегодня привык к слову — он будет все время подозревать, что что-то такое сказано, что имеет важное значение — а он не понял. Поэтому мы вынуждены были перевести фильм.

— В этой картине, как и в других, у вас звучат песни — французские, грузинские...

— Песни — та часть культуры, которая несет в себе совершенно непо-

вторимое очарование народа. Поэтому, когда я приехал в Россию, я не выходил из Дома радио — записывал русские северные, волжские песни... А во Франции тоже отобрал то, что мне было по душе. Как выяснилось потом, этих песен во Франции уже никто не поет. Это очень красивые старинные песни, которые французы пели на два голоса.

— Фильм называется «In vino veitas». И вино возникает практически в каждом кадре. Пьют все — вопрос только в количестве и качестве. Вино действительно занимает в жизни французов такое важное место?

— В Грузии вино — важная часть, которая сопровождает общение людей. А во Франции это элемент гастрономии. Французы никогда не произносят тостов, не читают стихов, не вспоминают прошлое... Они просто сопровождают вином пищу... Под это блюдо пойдет бургундское, под то — бордо. Раньше в ресторанах гарсоны пробовали вино — не несет ли оно в себе запаха пробки? Последнее время и эта традиция уже исчезла. То есть гастрономическая сторона довлечет.

— А вы сами что предпочитаете, если не секрет?

— Серьезно — я люблю водку.

— В Голливуде не хотели бы поработать?

— Ни в коем случае.

— Почему?

— Ни в Голливуде, ни в Китае, ни на «Мосфильме» сегодня.

— Ну а «Мосфильм»-то чем виноват?

— Сегодняшний «Мосфильм» имеет тенденцию стать клоновой версией Голливуда. Есть такая тенденция. Что мне там делать?

Я был в Голливуде несколько раз, чтобы посмотреть, что же там такое. Очень смешно. Все так похоже на сталинско-хрущевский «Мосфильм»... Кстати говоря, все эти фильмы — «Весна», «Цирк» Александра, все эти музыкальные комедии того времени, грандиозные фильмы Чиаурели — Голливуд!

— Из сегодняшнего российского кино что-то нравится?

— Не могу вам сказать. Пока ничего не оставило впечатления. Кажется, кино просто нет...

— Приглашения поработать у нас были?

— Нет, никто особенно не звал. И что я здесь буду делать? Поймите, если я здесь делаю картину на российском материале — она может быть неправильно воспринята. Или вот на грузинском. Я снял одну картину в Грузии — «Разбойники. Глава VII»... (Долго молчит.) Неправильно восприняли.

— Но что художнику до того?

— А вы знаете... Вот это... «веле-ню божьему, о Муза, будь послушна, обиды не страшась, не требуя венца, хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца»... Это все-таки неправильно. Пушкин слухавил. Он сам очень страдал. Поэтому этим высказыванием сам себя успокаивал.

— Неужели вам безразлична реакция публики?

— Конечно, безразлична. А иная позиция очень высокомерна. А высокомерие — нехороший признак.

Нетипичный грузин Иоселиани всем сортам грузинского вина предпочитает водку.